

УДК 111.1+101.2+929Бодрийяр

За пределами постмодернизма: Жан Бодрийяр и другое пространство мифа

В. Г. Косыхин

Косыхин Виталий Георгиевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Kosyhingv@gmail.com

В статье рассматривается проблема мифа в позднем творчестве Жана Бодрийяра, выходящем далеко за рамки постмодернистской парадигмы мышления. Констатируется, что развитие творчества французского мыслителя диктовалось логикой прорыва, образующей своеобразную диалектику «встреч» и «расставаний», где встреча с постмодернистским мифом о симуляции означала расставание с мифом научности, а расставание с мифом постмодерна в свою очередь означало переход к новым горизонтам понимания мифологической составляющей современности. Анализируются различные формы мифологической герменевтики от архаики до постмодерна, показана специфика понимания роли и значения мифа в творчестве Бодрийяра. Особое место здесь занимает экспозиция мифа о прогрессе, чья логика постоянного добавления парадоксальным образом приводит к катастрофе смысла, поскольку лежит в основе безудержной эскалации сообщений в современную эпоху. И если постмодернистское умножение информационных потоков аннулирует условия существования нашего универсума в качестве объективного, то согласно Бодрийяру, чтобы добраться до подлинного мира, необходимо учиться вычитывать. Статья завершается рассмотрением многоаспектности онтологического понимания мифа у позднего Бодрийяра, где в качестве парадигмального для современности выступает миф о счастье, покидающем территорию различия добра и зла.

Ключевые слова: Бодрийяр, логика прорыва, миф, существование, современность.

Поступила в редакцию: 10.04.2020 / Принята: 20.04.2020 /
Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-124-128>

В одной из своих последних книг, отвечая на вопрос Франсуа Ливоне о том, какой мысли или раннему воодушевлению он оставался верен на протяжении всего своего творчества, Жан Бодрийяр ответил: идее решительного прорыва, прорыва Рембо и Арто, чье поэтическое вдохновение всегда служило стимулом для его творчества [1, с. 72].

Творчество самого Бодрийяра действительно предстает как серия прорывов, первым из которых был прорыв за пределы социологии, вторым и, может быть, самым значительным, был прорыв

к той аналитике нигилистической постсовременности, которая превратила Бодрийяра в одну из центральных фигур философии постмодерна. Благодаря этому прорыву произошло введение в пространство современной гуманитарной теории понятий симулякра, симуляции, гиперреальности и т.д. И тем не менее уже в XXI в., находясь за порогом своего 70-летия (т. е. возраста, когда у человека обычно имеются достаточно сложившиеся воззрения, чтобы их менять или искать новизну), Бодрийяр приступил к новому прорыву, который вывел его за пределы постмодернизма в новое пространство теоретизации.

Надо сказать, что во многом сходный процесс происходил параллельно и в творчестве другого выдающегося современного французского философа – Жака Деррида. После написания знаменитых книг середины 80-х гг. – «И подписано: Понж», «Прибрежья», «О духе: Хайдеггер и вопрос», – пережив период, когда конференционно-популяризаторская сторона проекта деконструкции стала почти брать верх над собственно творческим движением мысли, в «Призраках Маркса» Деррида открыл дискуссию о возможностях «призракологии», которая вводила в круг проблем, более характерный уже для метамодернизма.

Бодрийяр в середине 80-х гг., так же как и Деррида, оказался на распутье. Альтернативой было либо идти по пути уже принесшей успех и славу концепции, развернутой в таких его книгах, как «Символический обмен и смерть», «Симулякры и симуляция», «О соблазне», «Америка», либо выбрать иную стезю. И эту возможность открывали вышедшие в 1987 г. его «Прохладные воспоминания» – достаточно необычная для современной философии книга, фрагментарное письмо которой сочетало в себе одновременно и аналитику, и жанр интимно-интеллектуального дневника, и даже в чем-то самоисторизирующийся дискурс (в котором автор писал собственную предполагаемую историю).

Бодрийяр сделал выбор в пользу того, что было новым и неизведанным. И хотя продолжали выходить ориентированные на прежнюю концепцию такие произведения, как «Другой самому себе» (1989) и «Прозрачность зла» (1992), тем не менее уже в 1990 г. опубликованы «Прохладные

воспоминания II», через 5 лет «Прохладные воспоминания III», а в 2000 г. – «Прохладные воспоминания IV». Заметим, что не «Симулякры и симуляции II, III, IV», хотя это было бы вполне возможно. И вот уже за порогом 2000 г. появились книги Бодрийяра, открывшие новое измерение в его творчестве, являвшиеся своеобразным развитием мотивов «Прохладных воспоминаний» («От фрагмента к фрагменту», «Невозможный обмен» и ряд других), ставшие концом мифа о Бодрийяре-постмодернисте и вновь поставившие вопрос о мифотворчестве Бодрийяра.

Бодрийяр и сам известен как творец мифов (самыми известными из которых были мифы о симулякрах и симуляции), но, одновременно, он был их жертвой. Несмотря на постоянные утверждения Бодрийяра, что он никогда не имел, не имеет и не будет иметь никакого отношения к постмодернизму, его с упорством, достойным лучшего применения, записывали в число ведущих философов постмодерна – настолько влиятельным был постмодернистский миф.

Если мы говорим о мифе (в данном случае это миф постмодерна) и его преодолении Бодрийяром, то имеет смысл попытаться сначала разобраться в том, что же такое миф и как он понимался на разных этапах его осмысления в европейской философии и культуре.

На наш взгляд, можно говорить об архаическом, антично-философском, средневековом, научно-позитивистском и философско-конструктивистском понимании того, чем является миф. В архаическом понимании миф, если придерживаться точки зрения исследователя архаических мифов Бронислава Малиновского, это повествование, в некотором смысле заменяющее историю, сказание о том, что было прежде. Античная история и философия IV и III вв. до н.э. видоизменили понимание мифа. С точки зрения первой, миф – это то, что было до истории, а с точки зрения второй – то, что было до философии. В русле платоно-аристотелевской традиции миф предстает как иносказание, которое для своего ясного понимания нуждается в философско-аналитическом истолковании.

Проникнутая христианской культурой, эпоха Средневековья в своем негативном отношении к языческому прошлому начала истолковывать миф как небылицу, как рассказ о богах и героях, которых на самом деле не было (многие даже подозревали в мифах козни дьявола). Научно-позитивистская эпоха включила в христианское истолкование мифа как небылицы и само христианство, для позитивистского со-

знания также являвшееся мифом. В это же время происходит деление на истинную историю и внеисторическую мифологию.

Новое отношение к мифу появляется в философии и науке XX в., когда стали проводиться исследования мифа как системы и сравнительного анализа мифологии, развеявшие многие предубеждения. Стала почти общепринятой идея, согласно которой мифологическое сознание никуда не делось и сохраняется теперь уже в виде идеологических, экономических, национальных и других мифов (и история XX в. полна тому примеров). То есть появился взгляд, в соответствии с которым само существование общества с его институтами невозможно без свойственной ему мифологии. И если ранее миф понимался позитивистами как нечто ложное и бесполезное, то в философии XX в. он стал восприниматься как нечто ложное и полезное. У истоков такой трансформации стоял Ф. Ницше, кажется, первый, кто сам создал полностью «полезный» для укрепления «воли к власти» (что не отменяло полной ложности мифа в его собственных глазах) миф о Заратустре. Согласно Ницше философия должна создавать и поддерживать мифы, укрепляющие волю к власти.

Иное понимание мифа мы встречаем у М. Хайдеггера и А. Ф. Лосева. Лосев предлагал трактовать всю современную реальность как мифологическую, а Хайдеггер начал развеивать миф о непререкаемом мировоззренческом авторитете новоевропейской науки, косвенно указывая на мифологический статус современной картины мира. Лишившись научного или наукоподобного статуса, мышление Хайдеггера попыталось проникнуть в домифологическую сущность бытийственности, в которой миф выступает как истина, но не прошлого, а будущего. Достаточно вспомнить хайдеггерскую фразу об «истине бытия», которая всегда в будущем.

В наше время уже под влиянием постмодернистской критики всех предыдущих форм мифологии и культуры (что не помешало созданию также и своего рода постмодернистского мифа), когда сам постмодернизм пришел к своему завершению, миф воспринимается как нечто нейтральное, нечто неизбежное, форма, которую необходимо принимает любое мировоззрение [2, с. 44]. Миф предстает при этом как абсолютизация относительного, когда нечто частное, превышая свои пределы, претендует на всеобщность.

Все эти формы мифологической герменевтики от архаики до постмодерна и далее образуют своего рода «диалектику встречи и расставания». Встреча с новым пониманием мифа означает

расставание со старым (как было, когда философия встречалась с мифологией, христианство с язычеством, позитивизм с христианством). В этом движении нельзя не отметить некоторой логики или тенденции, носящей двойственный характер. Это, с одной стороны, движение к нигилистическому отрицанию истины мифа, завершающееся позитивистским абсолютным отрицанием его истины. С другой стороны, начиная с Ницше, набирает силу другая тенденция, завершающаяся абсолютной мифологией Лосева. Постмодернизм в этом движении являлся все же промежуточным этапом, вдохновляясь логикой нейтрального равновесия, бытием между мифологическим «да» и мифологическим «нет» [3, с. 54].

Своеобразные стадии собственных «встреч» и «расставаний» проходил в своем пути и Жан Бодрийяр. Встреча с постмодернистским мифом о симуляции заставила философа расстаться с мифом научности (а более конкретно – с социологическим мифом), а расставание с мифом постмодерна означало переход в другое пространство, о котором и будет идти речь.

Но вначале о расставании с социологическим мифом. Помимо мифа о Бодрийяре-постмодернисте, вокруг него или рядом с ним долгое время фигурировал миф о Бодрийяре-социологе, в котором имя Бодрийяра упоминалось наряду с такими классиками социологии, как К. Маркс, Э. Дюркгейм или М. Вебер, причем это несмотря на то, что Ж. Бодрийяр не раз публично и демонстративно заявлял об отсутствии у него какого-либо социологического образования. Более того, в одной из своих последних книг Бодрийяр говорит, что его творчество можно понимать как попытку сведения счетов с этой наукой. Социология является плодом определенного мировоззрения – позитивизма, и крах этого мировоззрения означает и крах социологии. «Как можно сегодня, – задает вопрос Бодрийяр, – когда изменения в мире очевидны, продолжать варить убогую социологическую похлебку на убогой кухне социологии?» [1, с. 127].

Социология уходит с теоретической сцены современности, уступая место новым формам общественной аналитики подобно тому, как архаическая мифология уступала свое место истории и философии, язычеству, христианству и т. д. Это, однако, не означает, с точки зрения Бодрийяра, полного исчезновения социологии, наоборот, вследствие парадоксальной логики добавления, о которой речь пойдет далее, социологов будет еще больше, как и социологических исследований, поскольку пережившему единичную своеобразность собственного бытия свойственно бытие во множественности или умножении.

Логика добавления неотделима от последних столетий развертывания европейской научной картины мира. Согласно Бодрийяру внутри научного мифа рождается квазиперфекционистский миф о прогрессе. Прогресс всегда предполагает какое-то добавление и усовершенствование. Бодрийяр задается вопросом об итоге столетий постоянного усовершенствования для универсума реальности, в котором мы находимся сейчас. Ведь наше время, переживающее последствия тотальных добавлений, становится эпохой катастрофы смысла, так как приводит к безудержной эскалации сообщений. Умножающееся число теоретических публикаций вовсе не приводит к соответствующему кумулятивному росту научного знания. Научная ценность их согласно Бодрийяру такова, что «если все их сложить, то в сумме получается нуль» [1, с. 175]. Бодрийяр единственный выход из нигилистической ситуации бесконечной пролонгации знания, приводящей к утрате его сущности, видит в обратном движении. Он утверждает, что теперь, чтобы обрести сущность чего-то, необходимо вычитать (собственно, об этом в свое время говорил еще Плотин, правда в мистико-социологическом аспекте).

Бодрийяр высказывает подозрение, что наш трехмерный мир не совсем реален. К этому, по собственному признанию, его привело внимательное прочтение работ Эдвина Эббота, мыслителя пифагорейского толка, таких как «Мир – точка», «Мир – линия», «Мир – плоскость», «Мир – сфера». Согласно Эбботу такое расположение миров происходит в согласии со степенью нарастания нереальности [1, с. 173].

Ситуация современного мировоззрения, с точки зрения Бодрийяра, носит аналогичный характер. Предпринятая в европейской науке попытка добавления к трем измерениям четвертого, как у Эйнштейна, привела к эфемеризации или виртуализации картины мира. По Бодрийяру каждое дополнительное измерение аннулирует уже имеющиеся, а четвертое, будь то виртуальность или время, полностью аннулирует условия существования нашего универсума в качестве объективного. Чтобы добраться до подлинного мира, по крайней мере мира объективного, необходимо не добавлять.

При этом Бодрийяр не считает возможным ограничиться вычитанием четвертого «эйнштейновского» измерения, что привело бы к возвращению в исходные декартовские мировоззренческие координаты европейской науки. Он вычитает также и третье измерение, полагая настоящую реальность исключительно двух-

мерной. По Бодрийяру двухмерность лучше всего противостоит той катастрофе смысла, с которой сталкивается реальность. Аналогом или образцом двухмерности Бодрийяру видятся фотография и фрагментарное письмо как самые малые из возможных форм целого.

Произведя критику мифологеми добавления, Бодрийяр считает необходимым более пристально остановиться на мифе линейного исторического развития. Те события, которые не случаются, продолжают становиться. Конечно, они не произошли, но, поскольку существование – это не единственный способ бытия, они заявляют о себе, влияя на событие, которое случилось.

Принято считать, что когда какое-то событие происходит, его альтернативы исчезают, но, с точки зрения Бодрийяра, это не так, они продолжают оказывать влияние и их становление включено в реальное существование случившегося. И на каком-то этапе эти своего рода параллельные линии существования оказывают влияние на дальнейший ход событий. То же самое, как показывает М. А. Богатов, вполне применимо и к человеческому существованию [4, с. 56]. Сам же Бодрийяр приводит в качестве примеров Французскую революцию, эволюции биологических видов и современную цивилизацию, утверждая, что при их анализе необходимо учитывать не только линейную логику, но и порядок становления альтернатив.

Не обошел своим вниманием Бодрийяр и мифологическую ситуацию современного европейского сознания. Он утверждает, что этическая парадигма современной западной цивилизации строится вокруг мифа о счастье. «Будь счастлив и излучай счастье» – это своего рода одиннадцатая заповедь, которая по самой своей сути пытается отменить десять предыдущих [1, с. 189]. Подобная микрофизика счастья имеет и обратную сторону: ретроспективное осуждение несчастий прошлого: критика рабства и нацизма, колониализма, марксизма и т. д. Вплоть до осуждения первородного греха и сексуальных домогательств – все это создает впечатление, что нам выпала честь присутствовать на подготовке к заседанию Страшного Суда, на котором изобличаются все несчастья истории [1, с. 190].

Тем самым, по словам Бодрийяра, мы оказываемся свидетелями того, как счастье становится всеобщим эквивалентом спасения, нивелируя разницу между добром и злом, а заодно пытаюсь либо полностью уничтожить зло, либо игнорировать его. Современная цивилизация, считает Бодрийяр, нуждается во зле и сохранении принципа зла, в безоговорочном присутствии различия. Зло – это то, что противостоит определенности нашего стремления к счастью, тем самым границы зла очерчивают зону счастья.

Стремление к максимальному совершенству, находящее выражение в императиве счастливой жизни, причем счастливой, в измерении лишенной трансцендентности нынешней цивилизации, приводит к тому, что современный человек в технико-функциональном существовании вынужден делать все технически лучше и лучше. Человек должен стать ничем не отличающейся от других элементарной частицей, т.е. обрести счастье, базирующееся на нивелирующем раскаянии перед историей. Но это приводит к тому, что с уничтожением территории зла, с осуждением событий с позиций новых норм, касающихся прав человека и преступлений против человечности, уничтожается и территория счастья.

Мы имеем дело с трансформацией или переводом зла в несчастье, «сегодня все озабочены тем, как бы поудобнее устроиться в области несчастья» [1, с. 127], – и такого рода преобразование зла в несчастье является, согласно Ж. Бодрийяру, наиболее точным маркером вступления цивилизации в новое измерение современности, выходящее за пределы мифологии постмодернистского проекта.

Список литературы

1. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. 199 с.
2. *Тихонова С. В.* Социально-онтологический статус мифа // *Философия и общество.* 2008. № 3 (51). С. 44–57.
3. *Малкина С. М.* Проблема конца философии : онтологические аспекты // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2011. Т. 11, вып. 2. С. 52–57.
4. *Богатов М. А.* Мышление после революции : апория оснований // *Социология власти.* 2017. Т. 29, № 2. С. 53–69.

Образец для цитирования:

Косыхин В. Г. За пределами постмодернизма: Жан Бодрийяр и другое пространство мифа // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2020. Т. 20, вып. 2. С. 124–128. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-124-128>

**Beyond Postmodernism:
Jean Baudrillard and the Other Dimension of Myth**

V. G. Kosykhin

Vitaliy G. Kosykhin, <https://orcid.org/0000-0003-4964-3501>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, Kosykhinvg@gmail.com

The article considers the problem of myth in the late works of Jean Baudrillard, which go far beyond the postmodern paradigm of thinking. It is shown that the development of the work of the French thinker was dictated by the logic of breakthrough, which forms a peculiar dialectic of “meetings” and “partings,” where a meeting with the postmodern myth of simulation meant breaking up with the myth of the scientific, and breaking up with the postmodern myth, in turn, meant a transition to new horizons of understanding the mythological component of modernity. The author analyzes various forms of mythological hermeneutics from archaic to post-modern and shows the specifics of understanding the role and significance of myth in Baudrillard’s work. A special place here is occupied by the exposition of the myth of progress, which logic of constant addition paradoxically leads to a catastrophe of meaning, since it underlies the uncontrolled escalation of messages in the modern era. And if the postmodern multiplication of information flows annihilates the conditions of our universe as objective, then, according to Baudrillard, in order to get access to the true world, we now need to learn to subtract. The article concludes with a consideration of the multidimensional ontological understanding

of myth in late Baudrillard, where the myth of happiness, leaving the territory of the difference between good and evil, acts as a paradigm for modernity.

Keywords: Baudrillard, logic of breakthrough, myth, existence, modernity.

Received: 10.04.2020 / Accepted: 20.04.2020 /

Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Baudrillard J. *D’un fragment l’autre*. Paris, Editions Albin Michel S. A., 2001. 176 p. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Paroli. Ot fragmenta k fragmentu*. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2006. 199 p.).
2. Tikhonova S. V. Socio-ontological status of myth. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2008, no. 3 (51), pp. 44–57 (in Russian).
3. Malkina S. M. The Problem of the End of Philosophy: Hanto-Logical Aspects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 2, pp. 52–57 (in Russian).
4. Bogatov M. A. Thought after the revolution: the aporia of the grounds. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2017, vol. 29, no. 2, pp. 53–69 (in Russian).

Cite this article as:

Kosykhin V. G. Beyond Postmodernism: Jean Baudrillard and the Other Dimension of Myth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 124–128. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-2-124-128>